

*Матьяна**Ороловская*

(1943–2019)

ВОСТОЧНО-ЗАПАДНЫЕ СКАЗКИ

*Литературная обработка казахских,
а также ирано-турано-славянских сюжетов*

ОТ АВТОРА: Сюжеты «Восточно-западных сказок» собраны на полуострове Мангышлак. Место это знаменательное – вокруг Каспия мигрировали огромные массы бесчисленных народов. Сегодня, когда этот регион занят разработкой нефтяных месторождений, культуре его уделяется недостаточное внимание. Однако не только старожилы-долгожители, но и молодежь очень ценят ту культуру, крупницы которой сохранились до наших дней. Это с древнейшей истории известное место, плато Устюрт, гладкое как тарелка, если смотреть сверху, хранит наскальные рисунки раннего и позднего средневековья, образцы пустынной архитектуры, памятники раннемусульманского периода. Всё названное, хоть и фрагментами, но сохранилось и охраняется ныне государством в Устюртском заповеднике, а вот словесное искусство, своеобразный фольклор, дошедший до наших дней, – явление совершенно удивительное. Еще более удивительно, что многие сюжеты, переходящие и сегодня из уст в уста, давным-давно обработаны и опубликованы в книгах профессиональных писателей.

Мне довелось записать на Мангышлаке более ста сюжетов, но обработала литературно только неизвестные в письменной литературе, смягчив некоторые «недетские» моменты. Они и составляют собрание «Восточно-западных сказок», никогда ранее не публиковавшихся мною. Сказки предназначены не только для детей, но и для взрослых, так как несут на себе свойства мифа, а философия глубинных мест Евразии помогает любому человеку, где бы он ни жил, самоопределиться основательнее. Самое ценное в простонародной мудрости – душевное здоровье, положительная жизненная программа. Это и найдет читатель в небольшом собрании «Восточно-западных сказок».

ЕРПАН

Жило на этой земле племя воинов. Не то чтобы много воинственных людей, а все воины поголовно: и женщины, и дети с десяти лет на конях и с оружием, а до десяти – без оружия, но на конях – всю военную науку успевали пройти. В полном смысле слова с конца стрелы были вскормлены. Никто в этом племени до старости не доживал: не способствовали тому ни походные условия – спали в одежде, седло под головой, ни шатры – строили их по-своему – натягивали шкуры на пять соединенных наконечниками копий – холодно было в таком доме, а пуще

всего кровавые битвы уносили жизни молодых и сильных джигитов. Таков уж был устав этого племени. Никто не роптал. Одевались как попало, а уж оружие, ремни, наплечники и конная сбруя были в полном порядке. Не сами они ковали оружие и подковывали коней, а все роды-племена степи для них это делали. И кормили их, и поили, и одевали, так как видели в них своих защитников.

В основном они охраняли рубежи казахских земель, но иногда приходилось и своих проучить за разбой или недобросовестность. А почему так было? Пастухи – народ мирный, но достояние свое от лихих людей защищать надо. Вот так и вышло, что это племя в большом почете было у казахов.

Обычаю своему особенному были верны. Никого из своего племени на сторону не отпускали, а жен брали из разных племен. Это у орла с орлицей не родится овца, а у барана с овцой – орел. А у людей... Глядишь, мать с отцом – колченогие тихие пастухи, а дочка у них красавица, певунья, наездница, охотница. О такой слава по всей степи несется, и найдут ее наши герои, и засватают, и прекрасного воина воспитают. С них и калым-то никто не требовал – дозором расплачивались с породненным аулом. Если родители совсем заартачатся, так ведь бывало, что дочка сама к воинам убежит, а все девушки аула ей еще и завидуют.

Были они непобедимые, никого не боялись. Редко все на бой выходили, но если приходилось, ставили за спиной становище, где только кормящие матери да малолетние дети оставались, и тут уж не было у них никакого резона отступать – самим свое потомство стоптать. Только вперед летели они на своих боевых конях. Пограничные враги как узнавали, что стал станом род воинов, разом уступали, или мира просили, или ретировались без боя, а коли вступали в бой – отступали с поражением. Только наши воины никого не добивали и за пленными не гонялись – не надо им было ни иноземных рабов, ни чужих земель, но и свою разбазаривать не позволяли.

Однажды из далекого южного аула пришли люди. Низко кланялись, слезно о защите просили. Повалился какой-то леший вытапывать их прогон перед голодной развилкой. Два голодных перехода скот не выдерживает – много коней и овец пало. Обещали заплатить и одеждой, и конями, и военной амуницией, и пропитанием и золотом в придачу. Согласились воины; только при условии, если это иноземцы, будут они сражаться на совесть, а если то пакостливые соседи – разведка доложит – сами учите их уму-разуму.

Надо сказать, что племя сражалось в количестве, достаточном для того или иного дела. Иногда пять воинов выходили, иногда – семь, редко – девять, а уж когда весь род на битву выходил, об этом и в старых и в новых книгах помянуто.

Не думали воины, что поручили им слишком трудное дело, и разведка у них хорошо была поставлена.

Посылают они на разведку одного воина; тот день не спит, другой не спит, третий день не спит, а на третью ночь его сон сморил. Очнулся он в предрассветных сумерках. Глядь, пастбище все вытоптано подчистую. В чудеса наш герой не верил, думает: сплю еще. Протер глаза – вытоптано, ни одна былинка прямо не стоит, всё копытами изрыто.

Глядит, а прямо к нему женщина идет неопикуемой красоты: ручки тоненькие, пальчики точеные, шейка как у лебедя, белая и тонкая, талия как у осы. Лицо ничем не прикрыто, и от него голубоватое сияние исходит.

Глядит джигит; в душе обомлел, а виду не подает.

Нарочно говорит грубовато:

– Ты что тут одна в эту пору делаешь?

– Отары и табуны свои пасу.

– Не похожа ты на пастуха, больно беленькая.

– И стада мои на ваши не похожи.

– Так это твои отары чужой прогон вытоптали?

– Мои. Только нет для меня на этой земле чужих прогонов – мои стада мои прогоны топчут.

– А где ты живёшь?

Девушка неопределенно махнула рукой:

Джигит спросил:

– На том холме?

– Выше.

– На горных джайляу?

– Выше.

– Неужели на снежных горах?

– Выше.

– Выше только небо.

– Там я и живу.

– Богиня, что ли?

– Нет, не богиня. Луна я. Свои звездные табуны и отары в этих местах пасу.

– Вот я тебя сейчас скручу, к седлу привяжу, посмотрим, какая ты небожительница.

– Хоть и говорят, что ты – непобедимый, но есть и у тебя смертельный враг.

– Ты?

– Да не я сама, а любовь – вот твой враг.

Сказала эти слова и пропала. Сидит воин во всем вооружении, перед ним потравленный скотопрогон, никакой разведки он не произвел, а услышал какую-то небылицу. Схватил он себя за тяжелую голову и стал думать думать. Кто поверит его рассказу? Сарбазы в чудеса не верят. Да сам он верит ли в это чудо? Чувствует – верит.

Сердце у него заныло – захотелось ему еще хоть разок красавицу увидеть, но и медлить нельзя – надо и перед племенем, и перед заказчиками ответ держать.

Пришел, коротко сказал:

– Потравили тракт, сам не знаю, кто. Проспал от усталости, – сказал и лег в своем шатре.

В этом роду-племени никто никого не учил, никто своими сединами не хвастал – все были равны. Воина никто не осудил, а только головами покачали и прискорбную весть заказчикам понесли. От всякой платы отказались, на осень свой приход перенесли.

А воин мучился-мучился, да и говорит жене: «Умираю я. Позови моего единственного друга».

Рассказал он всё-всё своему единственному другу и добавил: «До утра еще я умру от любви. Жену не расстраивай, никому ничего не говори».

Друг никому ничего не сказал, а самому запала эта история в сердце. То он воду ведрами пьет и жажду утолить не может, потому что это жажда зависти, то он ночей не спит: мечтает такую красавицу хоть одним глазком увидеть.

До осени еще сумело племя повоевать и с джунгарами, и с туркменами, и с калмыками. Много народа пало в этих краях, а друг первого разведчика жив и здоров – видно, не в тех местах был его смертельный враг.

К концу сентября опять воины на ту развилку пришли. В разведку сразу ясно, кто отправился, – это у них добровольно было.

Этот умный уже был: днем спит – ночью глаз не смыкает. На третью ночь видит: невозможное сияние по дороге промчалось. Вся трава пропала, только земля копытами изрыта.

Глядь, красавица к нему идет. Шейка как у лебедя, от лица сияние голубое.

Обомлел воин, а сам нарочно грубовато спрашивает:

– Это ты моего друга со свету сжила?

– Это не я, это любовь.

Зачем же ты его обворожила, а не полюбила?

– Полюбить его выше моих сил – другого я люблю джигита из вашего же рода – по всем степям за вами гоняюсь, стрелы вражеские от него отвожу.

– Что ты знаешь о любви, ты, которая ни друга, ни родича не теряла, никого не родила, никого не победила?

– Я за вашими победами не гоняюсь. Одиноко мне жить на небе, вот и ищу себе спутника, достойного бессмертия.

– Полюби меня! Я ли тебе не ровня? Я, говорят, непобедимый.

Усмехнулась девушка:

– Хоть и говорят, что ты непобедимый, но есть и у тебя смертельный враг.

– Не ты ли?

– Нет, не я – любовь.

И пропала... Сидит джигит обвороженный, что сородичам скажет, не знает, а сердце ноет – хочется еще хоть одним глазком красавицу увидеть. Пришел домой, невозможно товарищей огорчил, а к утру, ничего никому не сказав, умер от любви.

Низко опустили головы сарбазы, отказываясь от платы южных аулчан, но пообещали весной опять разведку учинить.

Зимой они много сражались на восточных и западных границах родной земли. Народ скотоводов их боготворил, а воины свой позор переживали и часто обсуждали, что им делать.

Весной жребий бросили, кому в разведку идти. Выпал жребий Ерлану. Ничем особенным Ерлан не выделялся: высок был, так и все высоки в этом роду; волосом рус, так были среди них и такие светловолосые; глаз имел острый – у кого из воинов не был острый глаз, давно в сырой земле лежат; рука на удивленье твёрдая, но были на состязаниях воины и впереди его по твёрдости руки. Одно было у него неоспоримое достоинство: по болоту пройдет – не всплеснет вода, по траве пройдет – ни одна травинка не шелохнется, по лесу пройдет – ни сучок, ни ветка не хрустнут. Легкий был, как перо, и ловок был.

Прибыл Ерлан для новой разведки на старое место. Шатер поставил, сам на коне по округе ездит, зорким глазом высматривает каждый ничтожный поворот дороги, каждый холмик, каждую ложбинку.

Ночь пришла. Глядит, по высокой весенней траве, усыпанной цветами, женщина идет. Та самая: шея лебяжья, ручки, ножки точеные, талия как у осы. Платье на ней золотистое, а от лица голубое сияние. Близко подходит, а на лбу темно-голубая жилка в такт с сердцем вздрагивает.

Увидел эту жилку джигит, забыл, от кого родился, кого сам породил.

– Ты кто? – спрашивает.

– Я Луна. Давно тебя, Ерлан, тут поджидаю.

– А кто тут пастбища вытаптывает?

– Мои звёздные табуны и отары.

– Где ты их прячешь?

– Я не прячу: вон они открыто на небе пасутся, только хочется два раза в год их и сочной земной травой побаловать.

– А что стало с двумя нашими разведчиками? Почему они умерли?

– Умерли от любви.

– И я обречён умереть от любви?

– Нет, ты от любви станешь бессмертным.

Ерлан каждому слову верит, а удивляется только тому, что ничему не удивляется.

Посадил он ее на коня впереди себя, и понеслись они в небо. След на земле прямо оборвался.

Когда пять воинов на третий день пришли товарища выручать, долго над этим следом думу думали: не птица ли какая унесла его прямо с конем. Так и не поняли ничего.

А тут южного аула тучные табуны и богатые отары пошли. Прошли они благополучно злополучный тракт, хотят с воинами расплатиться, а те и в глаза не глядят, от платы отказываются.

Аульный старейшина приказал с ними расплатиться зернистым золотом. Подскочил посыльный к становищу воинов, достал из-за пазухи темно-синий платок с зернистым золотом, развернул его, а золота-то нет, вместо зерен маленькие дырочки в платке. Посмотришь через него на солнце, а дырочки светятся, как звезды небесные.

Ушли пастухи своей дорогой, пора и воинам на новую битву, да жалко им своего товарища. Погибшим воинам по всей степи курганы насыпаны, и живут они в памяти народа, а этот не по-людски пропал. Не нашли они, конечно, его.

Ночь пришла, из-за гор огромный диск луны выкатился. И вдруг сын Ерлана закричал, что он отца видит. Будто бы отец его на лунном диске в объятиях прозрачной женщины. Стали люди пристальнее на луну смотреть, а ничего такого не высмотрели. Но еще раньше своего мальчика мать его на лунном диске увидела ту же картину и почернела вся, никому ничего не сказала, повернулась и ушла в степь одна-одинешенька.

С тех пор, говорят, в степи встречали и звездный табун, и при нем двух всадников: мужчину – очень, говорят, похож на Ерлана – и женщину на золотых конях, встречали и черную волчицу, воющую на полную луну.

Вот уже тьма столетий прошла, а до сих пор нет-нет и встретишь очевидцев звездных табунов и отар на земле.

Умный с полуслова поймет, зато дурака не вразумит и тысяча.

А сын Ерлана всю военную науку еще в детстве прошел, смело сражался с врагами степи, когда пора пришла, женился на такой же отважной богатырице, как был сам. У них сын родился, у того тоже сын, и у того... Род их не пресекался. Многие казахи от этого первого Ерлана свой род ведут. Не зря, видно, в народе имя Ерлан означает – воин-удалец.

ЗОЛОТОЙ КОЛОДЕЦ

В одном степном ауле жили люди, добрые и трудолюбивые: мужчины пасли отары овец, табуны лошадей, женщины по дому хозяйничали. Осенью отвозили мясо соседям, а те мукой, чаем, сахаром расплачивались. Так и жили безбедно и безтревожно.

Но вот родился в одной юрте мальчик. Годовалым на ножки встал, в два года говорить начал, а в три – стихи сочинять.

Слушали малыша аксакалы, головами качали – дивились мудрости и таланту юного акына. Обычно дети не сидят за одним дастарханом со взрослыми, а нашего мальчика рядом с самым длиннорыдым аксакалом усаживают, почетную баранью голову подносят. А он сидит – ни пьет, ни ест; баранью косточку к губам поднесет, сладкая музыка так и льется: с узкого конца дунет – одна мелодия, с широкого – другая. Постарше стал, сам из костей дудочки мастерил, дырочки провертит, – и инструмент готов. А то натянет на архаровы рога жилы, перебирает их, и всем кажется – райские мелодии звучат. До сорока струн натягивал, и только он один знал, когда какую тронуть.

Доброты и щедрости был необыкновенной. Изготовит дудочку, день-два поиграет, а потом отдает, кто ни попросит. Получившему подарок в игре до мальчика, конечно, далеко, да все равно в одной еще юрте от музыки веселее.

Слухи о необыкновенном мальчике далеко разошлись. Стали его звать в другие аулы. Родители было согласились, но аксакалы не велели им отпускать малыша до двенадцати лет. Оставались гости просто послушать, а после повсюду о замечательном певце рассказывали. Когда исполнилось ему двенадцать лет, стал он петь на свадьбах и праздниках, ни один большой той без него не обходился, хоть бы аул был и за семью горами.

Корысти не знал, сам платы не назначал, а всё, чем его награждали, в родной аул привозил и раздавал. Так и не нажил ничего. Одну тяжелую золотую монету, что досталась в подарок от хивинского хана, мать взяла и припрятала. То ли талисман, то ли на черный день запас.

Помощником по хозяйству он так и не стал – родители берегли его талант, к черной работе не подпускали.

А время шло, стал мальчик взрослым человеком, своей семьи не завел, маленьких детей ему матери приносили, чтобы благословил и они могли стихи и музыку сочинять: акынов в народе ценили очень высоко. Великий певец благословлял и наставлял.

Через несколько лет заметил он, что зажиточный аул всё беднеет и беднеет. Слабосильные старики работать не в состоянии, а молодежь только домброй да шан-кобызом занята. Только и знают, что песни поют да в айтысах перебранки затевают. Одним словом, сплошная мушайра с утра до вечера, и всё никак решить не могут, кто из них лучше всех. До драк доходило. Многие на чужую сторону подались – хоть там на пропитание заработать.

Да только ни скромности, ни особенного таланта Бог им не дал, и как ни хвастались, что они, дескать, из аула Великого Акына, вскоре при их появлении на них всех собак спускали.

Вдруг исчез из аула и сам Великий Акын. То ли к святым местам отправился, то ли волки в степи загрызли, только постепенно и вспоминать о нем перестали.

тем более что днём и ночью спор идет, кого теперь Великим Акыном называть. В ауле ни одной белой юрты давно не осталось, все люди в лохмотьях, скот кормить нечем, а чае с сахаром позабыли. Ссоры с утра до ночи. Обеднели, обнищали, а вскоре и вовсе злые соседи с тучных земель от реки прогнали. Остались незадачливые акыны без земли, без жилья, без скота. Скитались-скитались они по безводной степи, теряя стариков и малолетних детей, пока не набрали на одинокую юрту. Жил в ней старик. Никто не признал в старике Великого Акына. С тех пор как покинул он родные места, не в силах вынести разорения соплеменников и бахвальства молодых горлопанов, жил старик в одиночестве, в молитвах и размышлениях о прошлом.

Юрту свою акын поставил здесь не случайно. Расслышал он, как плещется глубоко под землей, вблизи крохотного родника, большая вода, только добыть ее ему уже было не по силам. Вот и остался он дожидаться того, кто сможет вырыть колодец.

Предложил он несчастным скитальцам:

– Хватит бродить по степи, оставайтесь здесь, копайте колодец. Достанете воду, и постепенно вернется к вам хорошая жизнь...

Не понравилось пришлым людям предложение старика: мы же из аула Великого Акына, мы только песни знаем да кюи, другому ремеслу не обучены. Поделись водой да и отпусти нас с миром.

Делать нечего, отдал старик бурдюк с водой – больше у него самого в тот день не было. Пошли себе сородичи, а Великий Акын горько упрекал себя – как же так случилось, что ничем он не помог в свое время людям. И как же им теперь помочь?

Вскоре сородичи вернулись и попросили еще воды.

– Нет, так не пойдет, – сказал старик. – Продать – продам.

– Нам платить нечем.

– Копайте колодец. За работу заплачу водой.

– Да мы только на песни горазды.

– Петь я еще и вас научу, – усмехнулся старик.

– Скажешь тоже, – засмеялись измученные жаждой люди. – Мы-то из аула Великого Акына, а ты... Коротаеть век в одиночестве, что ты понимаешь в песнях!

В скрытой от посторонних глаз расселине новый бурдюк с родниковой водой готов, а тем временем одумались соплеменники:

– Делать нечего, будем копать колодец.

Всю ночь долбили сухую землю, никакой воды и близко не чувствуется. Видно, придется помирать от жажды. А Великий Акын пришел работу посмотреть и незаметно золотую монету на дно ямы бросил. Землекоп, что на рассвете работал, нашёл монету, обрадовался: теперь-то есть, на что купить воды.

Так и пошло: днем жара копать не дает, ночью работают, на рассвете золотая монета блестит на дне ямы, и вновь люди принимают спасительную влагу из рук старика. Та монета утром к старику возвращается, ночью – в колодец. И невдомек колодцекопателям, что монета одна и та же, работают веселее, думают, клад найдут.

Стоял август, звезды с неба, словно искры степного костра, летят и летят, жара стоит нестерпимая, да и ночью прохлады нет, только тем и спасаются люди, что каждое утро за золотую монету бурдюк воды покупают.

– Сколько же копать, старик? – спрашивают.

– Смотрите, как звезды с неба падают. Кончится звездопад, и останется в небе одна-единственная звезда в полночь, так и хлынет вода из земли...

А звезд, и правда, много падает с небосвода, но остается больше, чем в ханской сокровищнице алмазов. Но не бросили работу на полдороге – еще и на клад золотых монет надеялись. Отыскались поблизости и другие крохотные родники. Стали люди обживаться, юрты ставить, кошмы катать, детей растить.

Однажды спустили очередного землекопа глубоко-глубоко, стал он накладывать вырытую землю в старый малахай, обвязанный волосяным арканом, и чувствует: ладонь мокрой стала. Поднял он голову, чтобы сородичей обрадовать, а из глубины колодца одна только звездочка и видна на полуночном небе. И стала землекопу ясна великая мудрость старика.

Так с той поры и зовется благословенное место: Алтын-Кудук – Золотой Колодец. Стоит вокруг него аул, в котором всего вдоволь – и скота, и детского смеха, и, конечно же, песен. Юрты уже только из белой кошмы ставят, и вечером то там, то здесь слышна музыка и расчудесные песни слышны. Все поминают добрым словом мудрого старика, Великого Акына. Днем не до песен – все работой заняты. Стада у них тучные, кони добрые. Самого лучшего иноходца назвали Жулдуз Омир – Звезда Жизни.

МЕДНИК И КРАСАВИЦА

Посреди степи стоял дом. В переходе от него был перекресток трех дорог. Одна вела к племени воинов и скотоводов, другая к виноградарям и земледельцам, а третья – к золотошвеям и поэтам. Люди всех племен походили друг на друга лицом и обычаем, жили мирно и обменивались товарами.

В одиноком степном доме жил себе поживал искусный кузнец. Выковать он мог все: тончайшую золотую нить, серебряные серьги и кольца, и ожерелья, и плуги, наконечники для копий и стрел. Больше всего было медной работы: посуда, воинские доспехи, конная сбруя. Потому и прозвали его медником.

Немолодой мастер жил отшельником, не было у него ни отца, ни матери, ни жены, ни детей, ни учеников. Старики всех племен уговаривали медника жениться, искали достойную невесту, но ничего из этого не вышло. «Что ты всё один да один? – спрашивали медника добрые люди. – Так и заскучать недолго...» Мастер отвечал: «От работы не заскучаешь».

Кончились однажды у мастера запасы меди, поехал он в горы, там еще в древности медную руду добывали, даже старинная плавильня сохранилась. Вот мастер плавит день и ночь руду, чтобы домой чистый металл привезти. Ночью пламя горит, плавка сверкает – как при солнце светло. Медник счет времени потерял, не знал, день ли, ночь, когда работу кончил. Тут конь его на холме всхрапнул.

Что такое? То ли человек лихой крадется, то ли степной волк подбирается к добыче, то ли еще что.

Поднялся он на холм, а там волк не волк, только что-то лежит на самом верху серое. Конь второй раз всхрапнул, а когда стал хозяин к этому предмету приближаться и конь в третий раз всхрапнул, ударил медник его камчой по морде, больше уж конь ни о чем не предупреждал.

На холме, завернутая в волчью полость, лежала девушка – это была вся ее одежда. Спала она непробудным сном. Пришлось меднику взвалить странную ношу на коня да и везти домой. Не оставлять же ее ночью в горах...

Вернулся домой на рассвете, пришла незнакомка в чувство, открыла глаза.

– Долго же я спала. Ты кто такой?

Хозяин усмехнулся:

– Ты-то кто? Расскажи, кто твои отец-мать, где твои сородичи, сама из каких мест?

– Придёт время – расскажу.

Кинул медник гостю золототканый халат, что получил как плату за работу, и отправился хлопотать по хозяйству.

Возвратился, своего жилища не узнал: все прибрано, старая посуда блестит, как новая, а в ней разная вкусная еда, девушка приветливо подала пиалу с душистым чаем.

Глотнул мастер чая, к еде не притронулся – так он устал от работы – тяжелый сон его сморил. Просыпается, а девушка рядом спит, красавица такая, что глазам и сердцу больно. «Жаль, прошли мои годы», – с горечью подумал медник и отправился в кузницу: днем ковать лемеха, оружие, посуду, а ночью, накрывшись овчинным тулупом, тосковать в одиночестве о прошедшей молодости и звезды в одиночестве разглядывать.

Всё пошло заведенным порядком: в доме чисто и прибрано, на столе отменная еда, за столом юная хозяйка. Застал он как-то красавицу в слезах. Видно, настало время откровенного разговора. И вот что она рассказала. Прогнал отец девушку от себя, и теперь она сама хозяйка своей судьбы.

– Раз так вышло, поедem к твоему отцу, помиримся, заплачу калым – человек я не бедный, – будешь моей женой.

– Нет, – говорит она, – у нашего народа такого закона.

– А незаконно как же?

– Все законы люди придумали, а сами далеко ли от звериного племени ушли. Судьба нас свела для любви, пора нам детей заводить, и счастье в доме поселится. Хватит тебе одному на звёзды смотреть, раз ты по ним никак прочитает судьбы не можешь – пора меня в жены брать.

Много, наверное, дней прошло, только им их жизнь показалась мгновением.

Однажды жена говорит своему меднику:

– Я уже не одна. Скоро наследник в доме появится.

Работы по-прежнему было много, и она за любую работу бралась, любую работу выполняла.

Приблизился срок, когда дитя должно было появиться на свет, и мастер сказал:

– Не годится тебе одной рожать, в таких делах от меня толку мало. Поедем к людям, нам повсюду будут рады.

Но она отказалась:

– Никуда не поедem. Чему быть – того не миновать.

Послушался мастер жены, но когда настал последний день, красавица сказала печально:

– Видно, сама родить не смогу, умираю. Когда я закрою глаза, разрежь мне живот, там двое твоих сыновей. Одного себе возьмешь, другого моему отцу отдай.

– Где мне искать твоего отца?

– Его искать не надо, он сам придет. Меня заверни в волчью полость и отвези туда, где нашел, только в землю не зарывай.

Протянула она мастеру острый золотой нож и три золотые нити. Узнал он свою старинную работу, только забыл, кто ему ее заказывал.

– Нитками пуповину перевяжешь...

– А третья?

– От меня на память. Не забывай меня никогда.

Медник и слова сказать не успел, как красавица умерла. Мешкать нельзя было: и живот он разрезал золотым ножом, и нитками пуповины перевязал. Близнецов назвал: одного – Старшим, другого – Младшим, хотя между их рождением и пяти минут не прошло. Третью ниточку на палец намотал, и она превратилась в тонкое золотое кольцо.

На рассвете остановился около дома караван, оказались в нем и женщины с младенцами, так что было кому покормить новорожденных детей медника. Жену мастер отвез в волчьей полости к рудной горе, да и оставил, как она велела. На обратном пути от слез он и дороги не видел, конь уж сам его к дому привез.

Шли годы, близнецы росли черноглазыми и красивыми, как мать. Различить их один отец мог – так они были похожи. Известно, там, где дети, и шумно, и весело, и полно гостей. Медник уж и думать забыл, что с одним мальчиком придется расстаться.

Прошло десять лет. День рождения сыновей для него был и радостным, и грустным. Как обычно, в этот день поехал мастер туда, где когда-то он нашел свое счастье. Посидел один, поплакал и вернулся домой.

Около порога стоял высокий седой старик, гордо и сурово на хозяина посмотрел и говорит:

– Срок настал. Я пришел за внуком.

– Так ты отец моей красавицы?

– Да, я отец волчицы, которая была твоей женой. Из ста моих дочерей одна только и была достойна родить от солнца.

– Что ты несешь? Ты-то, может быть, и старый волк, а моя жена была земная женщина.

– Не спорь, а слушай лучше. Одна она могла родить от солнца наследника нашего рода.

– Солнце совсем напрасно поминаешь. Я – простой человек. На руки мои посмотри, на лицо в черных от руды морщинах.

– Не скажи, все медники – сыновья одного отца – солнца. За внуком пришел, потому что старость одолела, боюсь, не успею научить его всему, что сам знаю...

– Кого же возьмешь из двоих?

– Твоего медника тебе оставлю, своего волчонка себе заберу.

– Как различишь, если они похожи, как две капли воды?

Ничего не сказал старик, раскрыл мешок, и Старший сын туда прыгнул.

Взвалил старик мешок на плечо, а отец как закричит:

– Дай хоть попрощаться с сыном!..

– Прощайся!

Поставил мешок на землю, а из него желтоглазый волчонок глядит.

Слезы полились из отцовских глаз, заплакал Младший сын, запрочитали гости.

Прошло еще десять лет. Младший сын постепенно перенял отцовское мастерство, тоже стал искусным медником, слава о нем далеко по степи разошлась.

Старый мастер по-прежнему раз в год ходил на рудную гору, не забывая свою красавицу. От горячих слез стал он слепнуть, и уже все дела перешли в руки молодого мастера.

Однажды собрал старик кой-какие пожитки и до рассвета, когда еще загадочно горели в небе алмазные россыпи, пошел в степь. Встретился ему всадник, что заказал Младшему сыну изготовить дорогую конную сбрую и теперь скакал за ней.

Он спросил:

– Куда ты, старик? Дороги не разбираешь, пропадешь в степи.

– Скажи в моем доме, что отправился я доживать свои дни к Старшему сыну.

С этого дня никто больше не видел старого медника. По-разному рассказывают эту историю, многое присочинили. Чего не понимают, перевирают и приукрашивают. А я вам докладываю без выдумки – всё, как было.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ

Низко летели лебедь с лебедицею, потому что лебедица была тяжела лебеденком. Высоко залетели черные вороны и побили белых птиц. Лебедя насмерть убили, а лебедушку понесли за море Белое, за море Синее, за море Черное – далеко-далеко от родной земли и продали в рабство.

Это – присказка. Разумей! Сказка будет далее.

Князь с княгинею в белых одеждах на белых конях поехали во чисто поле погулять. Были они молоды и прекрасны. Женились они православным браком по любви, жили в согласии.

Говорила им князя рódна матушка:

– Не ходите одни во поле гулять, соберите дружину верных друзей.

Не послушались князь с княгинею, а по камышам-то вдоль светлой реки прятались иноверные разбойники. Напали они на князя, а княгинюшка только рукавом лицо прикрыла. Смело дрался князь, но не мог он одолеть несметных разбойников и смертью пал в том чистом поле. Как ни вырывалась княгиня, как ни пыталась убежать, а схватили ее разбойники, опутали веревками, накинута дерюжный мешок на голову, бросили поперек седла и умчали в земли дальние, неведомые.

Очнулась княгиня после заката солнца далеко-далеко от родимой земли, а того дальше от любимого супруга. То не лебедь была лебеденком тяжела, а княгиня княжича носила под сердцем.

Очнулась она в цепях, а разбойники сумерничали: развели костер и на нем дичь жарили, дали и пленнице кусочек, для того мешок сняли, веревки размотали и цепи разомкнули. Не ела княгиня разбойничьего мяса, а взяла на ладошку самой черной сажи и замазала свое белое лицо. «Коли нельзя, – говорит, – мне навек глаза закрыть, кроюсь чернотой от чужих завидующих глаз».

Долго ли, коротко ли, а прибыли те разбойники в дальнюю страну, пошли на невольничий рынок и продали черномазую чужестранку в рабство. Никто на ее красоту не польстился, купил ее ремесленник, промышлявший речным жемчугом. Полировать этот жемчуг до гладкости, до блеска засадил он самых деше-

вых рабынь с невольничьего рынка. Дешево покупал рабынь, а дорого жемчуг продавал. Скоро все стали замечать, что новенькая черномазая рабыня тяжелая. Хозяйка расстроилась: «Лишний рот будет!» Хозяин обрадовался: «Покупал одну рабыню, а купил двух!»

Город иноземный был велик и богат, и всего было в нем вдоволь, а только некому было передать власть над этим городом и над всем государством властвовавшему тогда падишаху. Было у него пять дочерей, а сыновей не было.

И сказал он своей жене:

– Если шестую дочь родишь, прогоню тебя в пустыню, а сам женюсь на молодой, пусть она мне наследника родит.

Позвала шахиня старуху-повитуху, стала у нее совета просить, а старуха-повитуха и надумала:

– Попрячу я в сундуки свои дворцовые одежды, замкну свои драгоценности и деньги и, обрядившись странницей, пойду по белу свету, найду для тебя, мать моя, новорожденного мальчишку, тайно во дворец доставлю, а как придет время родить, этого мальчонка и представим твоим сыном, а дочку с богатыми подарками отдадим бездетным людям.

– А вдруг я сама сына рожу?

– Тогда приبلудного мальчишку скормим зверям в зверинце, и всё будет шито-крыто.

Что делать шахине? Или в пустыню ехать на верную гибель, или чужого ребенка воспитывать как наследного принца в падишахском дворце?

Обрядилась старуха странницей да в таком наряде и набрела на нашу лебедь белую, черной сажей покрытую. И так, и эдак она вокруг рабыни вертелась и втерлась в доверие. Хозяин наш – торговец речным жемчугом – имел все-таки сердце, и чем ближе был срок родин, тем меньше он заставлял работать будущую мать, отделил ей угол рогожами, разрешил и повитухе жить при ней и кормиться.

В ночь рождения княжича-раба натолкла старуха-повитуха жгучей дурман-травы в пыль. А как мальчик родился и мать его несчастная захотела посмотреть на него, говорит повитуха ласковым голосом:

– Открой глаза, матушка, пошире – сыночек твой ослепительной красоты.

Сама же с ладошки в глаза лебедушки сдунула дурман-траву жгучую, упала мать без памяти, а старуха запеленала ребенка и скрылась неизвестно куда.

Это было хозяину с хозяйкой неизвестно и его рабыням, а мы-то знаем: скорёшенько побежала она во дворец со своею добычей. Шахиня уже в схватках, еле крепится, поджидает свою доверенную повитуху.

Быстро обрядилась повитуха в самолучшие одежды и в своем узелке пронесла в спальню украденного ребенка, никому входить не велела и, когда шахиня родила шестую дочь, сообщила через плотные занавески:

– Хвала Аллаху, шахиня родила сына.

Падишах в ту пору был на охоте, но с этой вестью бросились к нему сразу несколько гонцов за почестями, за богатыми дарами.

Тем временем хотела повитуха завязать девочку в узел, но мать в последнюю минуту пожалела дочь и придумала сказать всему свету, что она родила двойню: девочку и мальчика.

С этой вестью еще несколько гонцов полетели к падишаху.

Несказанно обрадовался отец такому прибавлению семейства, задал дарогами подарками и гонцов, и шахию, и повитуху, несметное количество золотых монет раздал жителям своей страны, выпустил из тюрем многих томившихся там понапрасну людей.

Про настоящих родителей сына шахиня даже не спросила, а падишах и знать не знал о подлоге. Так и оборвались все ниточки к истинному происхождению принца. Умела молчать старуха-повитуха, да и за свою голову опасалась. Наградила ее шахиня богатыми подарками да и отослала от себя подальше. Потом уж, когда эта старуха понадобится, никто ее днем с огнем не найдет. То ли померла она вскорости, то ли ушла совсем в чужедальнюю страну, только ее следы навеки потерялись.

У падишахских детей в прислужниках вся падишахская свита. Только лучше бы их было поменьше: много людей – много молвы. Стали люди замечать, что хотя принц Али – так его называли – одет по-восточному, а совсем лицом на свою сестру не похож, не похож ни на отца своего, ни на мать свою. Глаза у него синие-синие, как лен в цвету, а волосы белые-белые и нежные, как пряденый и выбеленный на солнце лен.

– Вот настоящий принц! Вот истинный падишах! Вот дар божий! – с гордостью говорил отец.

Стали и все во дворце называть принца Али-Бахыт – божественный подарок, но за стенами дворца люди говорили другое. Все сомневались – вправду ли Али-Бахыт истинный сын падишаха.

Поваренок, ходивший на рынок за зеленью, невзначай рассказал зеленщику о сомнениях главного падишахского повара, а тот – своей жене, а та – служанке, а та – товаркам, и пошёл весь город шептать да говорить, да посмеиваться, да прибавлять всякие небылицы. Дошли слухи и до падишаха, и он, под страхом смертной казни, запретил судачить о наследнике престола. Но на каждый роток не накинешь платок – судачили и дальше, только тише.

Али-Бахыт между тем растёт себе, растёт. Пока он растёт, вернемся в лачужку, где упала без памяти его мать в ночь его рождения.

Когда матушка очнулась, почувствовала она, что в глазах жжёт. Вспомнила всё и горько заплакала, но слезами вышла у нее отравная пыль из глаз, и снова стала она видеть белый свет. Только невзвидела она белого свету от того, что пропал ее сыночек, лебеденок, княжич. Догадывалась о судьбе своего сыночка, чуяло ее сердце, что несладкая у него жизнь.

И правда. Невзлюбила шахиня сына. Дочку грудью кормит, сыночка отталкивает. Дочке золотые серьги-кольца дарит, а сыночка задумала сдать на воспитание сокольничим, о том и падишаху сказала:

– Отдай Али-Бахыта на задний двор псарям и сокольничим. Пусть они из него настоящего мужчину воспитают – охотника и наездника.

– Да, – согласился падишах, – наследник должен быть настоящим мужчиной, но охотником и наездником я сам буду его воспитывать и не передоверю воспитания прислужникам.

– Опоздаешь. Пока ты занят государственными делами, пусть они его повоспитывают.

– Где это видано, даже на коня до шести лет сажать мальчика? Что-то ты, шахиня, тут путаешь. Ценю я твою заботу о воспитании сына, но, видно, тебе сподручнее девочками заниматься. Так и занимайся принцессами.

С тех пор падишах несметную стражу приставил охранять Али-Бахыгта и слуг набрал самых старых, самых верных. Пуще глаза он берег своего единственного наследника.

* * *

А далеко на севере, в русской земле долго ждала князя домой родная матушка. Почуяла ее душа недоброе. Собрала она самых верных дружинников и с малой дружиною верхом в поле выехала. Глядь-поглядь, посреди чиста поля лежит в белых одеждах ее сын убитый, вокруг земля копытами изрыта, вдоль дороги на колючих кустах клочки дорогой невесткиной фаты.

Ничего не надо было ей рассказывать, сама она всё поняла. Не стала она ни рыдать, ни плакать, а приказала привести на это место лесную колдунью-ворожею. Всему княжеству была та ворожея известна, а старая княгиня ни разу ее не звала ни гадать, ни страдать, ни лечить, ни привораживать. Крепко она в Бога веровала и не хотела против Бога силу ворожеи прилагать.

Но вот нужда ее заставила.

Осмотрела ворожея землю вокруг убитого князя, пощупала его еще не остывшие раны и сказала:

– Не трогайте князя с этого места, стройте вокруг него хоромы, ставьте крепкую стражу. Долго пролежит он мертвый, а потом из мертвых воскреснет. Уж я его лечебными травами обложу, настоями омою, залечу его раны заговором, отмолю его молодую жизнь у Бога. Отговорю его, сердешного, на весь век помирать.

Поверила старая княгиня. Тут же шатром тело князя от непогоды прикрыли, а за три дня соорудили хоромы не хуже княжеских, и поставила княгиня самых верных соратников князя охранять то место.

Сидела старая княгиня в своем тереме и подумала: «Что я скажу сыну, когда он от смертного сна пробудится и спросит меня: – Где моя молодая жена-лебедица? Где мой единственный сынок-лебеденок?»

Надумала она по следам разбойничьих коней идти – выручать невестку и внука из неволи, или хоть правду узнать об их судьбе.

Никому ничего она не сказала, ни с кем советоваться не стала. Заперлась в своих комнатах, жарко русскую печь натопила и сколько было у нее золота – кольца, серьги, ожерелья – всё-всё на мелкие пуговицы переплавилa – числом тридцать три.

Взяла отрез простого ситцу, цвета земли, без цветочков, – сшила себе кофту. Взяла дерюгу – сшила себе дорожный сарафан. Пуговицы рубищем обтянула и пришила куда надо: и на ворот, и на рукава, и от горла до пояса, и от пояса до пола.

За себя и за князя с княгинеею оставила своего родного братца княжить. Покрыла голову черным платком, взяла посох железный и отправилась в путь-дорогу.

Долго шла она кружным путем, обо всем людей расспрашивала, про себя ничего не сказывала. Мало что она узнала. А как первый железный посох сносила, пошла она в кузницу придорожную и заказала себе другой – потяжелее первого. Отдала за работу золотую пуговку с горла. Как второй посох сносила, отдала и вторую пуговку кузнецу за новый железный посох.

Остальные все пуговицы она не растратила; ела-пила, что люди дадут, а чаще, что Бог пошлет: корешки да травы, ягоды да орехи.

Как первый посох сносился, знала она уже все лечебные и отравные корни, все сладкие и горькие травы наперечет не хуже той ворожеи. А как второй по-

сох сносился, знала она языки всех зверей и птиц. А как третий сносился, стала она понимать языки всех людей на земле, никакая новая речь ей не в диковинку.

К тому времени дошла она до той земли неизвестной, осмотрела невольничий рынок и догадалась: «Тут моя невестка и внук».

Стала она ходить по базарам, по дворам. Сначала обошла богатые дворы, потом заглянула и на бедные.

Вот однажды на улице, где жили только ремесленники, слышит она, женский голос жалобную песню выкликает:

Ой, жила я белой лебедицею
 С белым лебедем.
 Убили разбойники моего лебедя.
 Прижила я белого лебеденка –
 Украла темная странница
 Моего дитятку.
 Ой, думала я жизнь прожить лебедушкой,
 А живу жизнь кукушкою.
 Кукую с утра до ночи, с ночи до утра.
 Нет у меня ни отца, ни матери,
 Ни сына, ни мужа,
 Ни гнезда, ни родины.

Пошла старая княгиня к хозяину, говорит ему:

– Отдай мне свою рабыню. Очень жалостно она поет, будет со мной странствовать, милостыню просить.

Хозяин и говорит:

– Дорого она мне досталась. Купил я ее на невольничьем рынке, и работница хорошая.

– Отдай эту рабыню, – взмолилась жена, – всю душу она мне своим пеньем надорвала. Отдай, добром прошу!

– Продай! – говорит княгиня.

– На что же ты, нищая старуха, купишь себе рабыню?

– А вот посмотри, – говорит княгиня и протягивает жемчужнику золотую пуговку.

– Украла? – спрашивает хозяин.

– Добрые люди подали.

Жадный ремесленник тут же на зуб пуговку проверил и говорит:

– Мало!

Жена его в голос закричала:

– Бог тебя за жадность накажет. Где нищей старухе взять золота? Эта рабыня и гроша не стоит! Что она – жирный баран к празднику? Молочная корова? Скаковая лошадь? Отдай подобру-поздорову.

Вывели пленницу, и повела её странница на самую окраину города, где сама ночевала в землянке. В полночь только они и добрались до ночлега. Зажгла странница масляный фитилек и стала молодую рабыню обо всем расспрашивать, а та молчит. Тогда старая княгиня начала сама рассказывать и обсказала всю жизнь своего сына и невестки, потом назвала ее по имени, скинула черный платок и открылась. Одного только не сказала, что надеется на пробуждение князя.

Заплакала-зарыдала молодая княгиня и тоже начала про свое житье-бытье рассказывать.

– Почему ты мне не поверила? – спросила старая княгиня. – Я ведь тебя из рабства выкупила.

– Обманула меня однажды такая же тихая странница. Теперь-то я понимаю, что то была хитрая старуха-повитуха. Влезла в доверие. Мастерница была травы составлять. Напоследок мне глаза жгучей дурман-травой запылила и украла моего сыночка.

– Ну что ж, – сказала старая княгиня, – делать нечего, будем искать нашего единственного княжича; пока не найдем, не воротимся на свою землю.

Утром обе женщины пошли на рынок, закрывшись рванными платками, как нищенки. Много нищих было на том базаре, на них никто и внимания не обращал, редкие прохожие бросали нищим жалкие монеты, из-за которых они ссорились между собой. Не понравились старым нищим две новые побирушки, и они их прогоняли с места на место. А тем только того и надо. Бродят они по базару, внимательно людскую молвь слушают. Много наслушались, но среди всего прочего услышали они и про светловолосого падишахского сына.

Наутро молодая княгиня все так же под видом нищенки стала всматриваться в лица, искать старуху-повитуху, стала потихоньку простых людей спрашивать, где ей найти такую необыкновенную целительницу, а старая княгиня пришла в ряд, где сидели одни только гадалки, и объявила, что она расскажет любому человеку, что говорят его домашние животные и что они думают о своих хозяевах.

Первым пришел хозяин собаки. Он вел собаку на веревке и ругал на чем свет стоит. Княгиня погладила собаку и стала спрашивать хозяина, что да как.

– Эта собака очень глупая, она совсем не охраняет мой дом. Никогда не лает. Но когда вечером приходит мой лучший друг, очень почтенный человек, поиграть в кости, она готова порвать ему горло. Мне уже стыдно перед другом. Я решил сдать ее на живодерню и завести другую.

Княгиня обратилась и к собаке. Собака лаяла и взвизгивала, и взмахивала то одной, то другой передней лапой.

Когда она замолчала, княгиня сказала хозяину:

– Твой друг не слишком почтенный человек. Собака говорит, что он каждый вечер берет из твоего наследства одну золотую монету и бросает одну медную, таким образом он уже вытаскал половину твоих денег. Собака говорит, что кувшин, в котором ты хранишь золото, стал легче на сто монет.

– Не может быть! – закричал хозяин и побежал, забыв свою собаку.

Довольно скоро он вернулся. И как он ни был расстроен, а сказал, что собака – истинный друг, и хотел расплатиться с княгиней.

Но та отказалась от денег:

– Ты и так потерпел убытки, потому что ошибся, выбирая друга. Не надо мне твоей платы. Корми хорошо и береги свою собаку. А мне отплатишь тем, что со-рока обитателям города расскажешь, что я понимаю голоса зверей и птиц.

Однажды к ней пришел один из начальников стражи падишаха и попросил послушать, что говорит его конь, который вот уже два года крутит жернов. Она пошла с ним на задний двор падишахских владений. Старый конь ходил по кругу и крутил жернов. Он ворчал очень убедительно, как человек.

Хозяин коня попросил:

– Переведи мне слово в слово, что он говорит.

– За это я потребую плату.

– Я дам тебе хоть золото, хоть одежды, что хочешь. Этот конь мне служил верой и правдой в свои молодые годы...

– Мне не надо денег и одежд. Пусти меня в падишахский сад, я хочу послушать пенья царских птиц.

– Я не могу один это сделать. Каждые двадцать шагов дороги в падишахский сад охраняются стражниками. Но я могу попросить стражников пропустить тебя за плату. Наверное, всех моих денег не хватит, чтобы ублажить тридцать стражников.

– Моих денег хватит, – сказала старая княгиня, – договорись с ними.

Пока хозяин коня договаривался со стражниками, старая княгиня оторвала все до единой пуговки и потом внимательно выслушала, что говорил старый конь.

Хозяин вернулся и сообщил, что ее пропустят в сад послушать птиц, когда весь падишахский дворец будет спать после обеда, ровно на три часа.

– А теперь переведи мне слово в слово, что говорит мой добрый конь за работой.

– Хорошо, – сказала княгиня, – в благодарность за твою помощь я скажу тебе только правду, но приготовься, правда будет горькой.

– Говори горькую правду!

– Твой конь говорит:

Ох, ох, лучше б сдох
Я в бою иль на охоте,
На любой другой работе,
Но не жернов... – видит Бог.

Лучше прыгнуть мне с обрыва,
Чем кружить без перерыва,
Зарабатывая хлеб.
Стал я стар, и хром, и слеп.

Я бы мог сложить сказанья,
Гордый славою былой,
Я носился в состязаньях
Оперенною стрелой.

Род людской неблагодарный,
Так унизили меня,
И хозяин мой бездарный
Глуп без мудрого коня.

Хозяин заплакал, сам вывел коня из ярма, увел его в конюшню и задал ему самого отборного ячменя и, обняв его за шею, просил у него прощения. Он сказал, что скорее сам будет крутить жернов, чем заставит своего доблестного коня делать это.

Но и конь сказал, что несколько часов в день он будет подменять своего хозяина. А хозяин сказал, что он купит двух ослов для этой работы, а такие умные

существа, как он и конь, не должны терпеть такие муки. Так они беседовали почти до обеда и совсем уже стали понимать друг друга.

Когда же пришло послеобеденное время, хозяин повел старую княгиню по тропе в сад падишаха. Каждые двадцать шагов пути она отдавала по одной золотой пуговке и, когда раздала все, попала в сказочные заросли необыкновенных деревьев и цветов. Птицы пели самозабвенно на все голоса. Те, кто не хотел петь, просто болтали между собой. Некоторые ссорились у кормушки, хотя корма здесь хватило бы и на всех птиц поднебесных.

Пробежали две сторожевые собаки. Одна зарычала на княгиню, а другая сказала:

– Не обижай её – она спасла нашего родственника от живодерни.

Княгиня слушала так внимательно, как никто никогда не слушал пенья птиц. Птичий базар рассказал ей ещё, больше чем человеческий. Через три часа она выбралась из сада задним двором и отправилась опять на рынок и уселась в ряд гадалок и ворожей. К тому времени собралась уже огромная очередь. Кто нес курицу, кто попугая, кто любимую кошку – все хотели не только понять своих питомцев, но и научиться с ними разговаривать, и она всем-всем помогала.

Так и повелось – каждое утро она приходила на рынок и переводила для людей голоса зверей и птиц.

Очень скоро дошел слух о ней и до падишаха.

Удивился падишах:

– Не знал я, что в моем падишахстве есть такая диковина. У меня ли не самые удивительные птицы в саду: и жаворонки, и соловьи, и горлинки, и павлины, и попугаи. А в клетках у меня живет сто канареек ста цветов. Не мой ли зверинец самый удивительный? Слоны, львы, леопарды, обезьяны – и все говорят по-своему. А мой скотный двор: верблюды, коровы, овцы и все, все, все расскажут нам что-нибудь интересное. Доставьте эту женщину во дворец!

Когда стражники падишаха на боевых конях ворвались в ряды рынка, купцы и продавцы, нищие и гадалки, нувориши и воришки перепугались насмерть, люди попрятались, кто куда мог, кто не успел спрятаться, упали на колени лицом в пыль, боясь даже взглянуть на всадников, и только одна старая княгиня, как будто ждала их, вышла навстречу всадникам и одним словом остановила их буйное скакание:

– Не меня ли вы ищете, доблестные воины? Не за мной ли послал вас сам великий падишах?

– За тобой! – ответили стражники и, посадив ее в паланкин, повезли во дворец.

Падишах с нетерпением ждал ее. Но все-таки спросил, не устала ли она с дороги, не боится ли она его, готова ли она показать ему свое искусство.

– Готова, – сказала княгиня, – приказывай!

Падишах приказал принести своих любимых райских птиц в золоченых клетках.

– Вот эта птица, серебряная, живет у меня уже три года, а золотую мне подарили недавно. Серебряная не разговаривала раньше, а теперь они все время о чем-то переговариваются с золотой. Переведи мне. Я хочу знать, как они благодарят меня.

Княгиня послушала:

– Они не благодарят тебя.

– Вот это ты врешь, – сказал падишах, – они только и знают, что кланяются и благодарят.

– Ты не веришь мне? Я бы перевела тебе слово в слово, что они говорят, но ты мне и тогда не поверишь.

– Так что же с тобой делать? Значит, все слухи о твоём искусстве – обман?

– Нет, не обман. Чтобы ты поверил, ты должен сам узнать язык зверей и птиц. Тогда тебя никто не обманет. Тогда ты узнаешь истинную правду, и некого будет винить, если она тебе не понравится.

– Ты думаешь, о чем говоришь? Я бы очень хотел научиться языку зверей и птиц, но есть ли у меня для этого время? Сто тридцать три переводчика с утра до ночи переводят мне послания правителей всего мира, сто пятьдесят советников ежедневно ждут моих распоряжений, восемь часов в день я подписываю государственные бумаги. А больше всего я люблю охоту и войну. У меня нет времени поиграть с моим единственным сыном, с моим наследником, когда мне учиться языку животных?

– Это не займет много времени. И мальчика, сына, наследника я научу вместе с тобой. Так ты и для него найдешь время. Разве плохо будет, если он узнает язык ловчего сокола и боевого коня, белого лебедя и черного ворона?

– Хорошо. Когда мы начнем?

– Как рано ты просыпаешься по утрам, Великий падишах?

– В шесть утра.

– Завтра поднимайся в пять. Это самое лучшее время для наших занятий.

Принца возьми с собой.

Старой княгине отвели комнату во дворце, и на всякий случай, чтоб не убежала, приставили стражника.

Утром она начала занятия. Мальчик, хоть был еще и совсем мал, оказался смысленнее отца. Но падишаху это понравилось. Али-Бахыт очень привязался к старой княгине, и она ему потихоньку пересказывала некоторые безобидные птичьи песенки.

Скоро-скоро стали падишах и принц разбирать голоса птиц. И тогда княгиня сказала:

– Не дело маленькому ребенку знать суровую правду жизни. Душа его очень хрупкая и ранимая. Настоящие птичьи песни мы с тобой вдвоем будем слушать, а потом ты и один послушаешь.

Падишах уже безраздельно доверял старой княгине и согласился с ней. Опять принесли в клетках райских птиц. Теперь уже княгиня ничего не говорила, они пели, падишах разбирал сам.

– Как живешь в плену, кума?

– Скоро уж сойду с ума –

Золоченая тюрьма,

Хоть и сладкие корма.

– Не довольна я сама,

Да страшит меня сума.

Здесь-то кормят задарма

И богаты закрома.

– Да, – сказал падишах, – нет здесь никакой благодарности. Так, наверное, и все мои подданные думают о моем дворце, как о тюрьме. Спасибо тебе, добрая

женщина, за науку. Может быть, знать голоса зверей и птиц важнее, чем беседовать с советниками.

С тех пор стал падишах молчаливым и невеселым, стал бродить по саду, по зверинцу, заходил и на скотный двор, чего с ним еще ни разу не случилось.

Однажды во время послеобеденного сна он не спал, а сидел у раскрытого окна и думал свою думу. Прямо напротив на высоком тополе сидели скворцы и о чем-то тихо беседовали. Падишах прислушался.

Скворчиха:

Насидела я за жизнь из яиц
Сорок скворчиков и сорок скворчиц.
Все красавцы, все черны, все умны
И отличные при том летуны.
Хоть мальчонкой, хоть девчонкой ты будь –
Для родителей все дети равны.

Скворец:

Не останемся мы здесь зимовать,
Полетим еще южнее, моя мать.
Слишком нравы ненадежные тут,
Царь с царицею детишек крадут.

Скворчиха:

Ах ты, скворушка, родной старичок,
Надо клювик твой закрыть на крючок.
Вдруг услышит нашу речь падишах...

Скворец:

Как услышит, если пробки в ушах?
Птицы певчие поют про подлог,
Прямо в доме, возле трона его.
Он вовек летать по небу не мог.
Что он видел? Золотой потолок?
И не слышит падишах ничего.

Скворчиха:

Бедный мальчик, падишаха сынок,
Его бабушка и мать сбились с ног.
Он в отца родного вышел лицом,
Но от правды отгорожен дворцом.

Скворец:

Если подлая досталась жена,
Так надует и обманет она.
Ты же, птичка моя, очень умна.

Скворчиха:

Он от правды отгорожен дворцом...
Был бы принц Бахыт крылатым скворцом,
Улетел бы он в родное гнездо.

Скворец:

Хоть не наш он, жаль его все равно.

Ты подай ему, бедняге, жена,

Червячков, и паучков, и пшена.

Ох и задумался падишах над этими птичьими речами. Сначала он призвал старую княгиню, чтобы она ему до конца объяснила эту непонятную речь. Княгиня посоветовала спросить толкования у шахини.

– А мне, – сказала она, – всё ясно, как божий день. Ты очень хотел получить сына, наследника. Теперь надо выяснить, как ты его получил.

Падишах призвал шахиню.

– Скажи мне, Великая шахиня, скажи мне, верная моя супруга, кто отец принца? Кто отец Али-Бахыта?

– Ты, Великий падишах.

– Я ему больше, чем отец. Я никогда не оставлю его своими заботами. А теперь дай мне страшную клятву, что ты не солжешь ни одним словом, ни одним взглядом, ни одним жестом. Чтобы мне не пришлось звать в свидетели посторонних людей, дай мне страшную клятву, что скажешь правду!

– Клянусь! – сказала шахиня.

Она думала, что самый страшный вопрос, на который она уже солгала, позади.

Тогда падишах спросил:

– Скажи мне Великая шахиня, кто мать Али-Бахыта?

Страшная клятва удержала шахиню от лжи и, хотя и не сразу, но она ответила:

– Не знаю.

– Не сказал ли я тебе, шахиня, что я сошлю тебя в пустыню, если ты не родишь мне наследника?

– Сказал.

– Значит, ты украли чужого ребенка, только бы не попасть в пустыню. Какого наказания ты достойна?

– Самого строгого. Смерти. Но я прошу тебя, пожалей мою жизнь, сошли меня в пустыню, я еще слишком молода, чтобы умереть. Пусть я буду жить в бедности, впроголодь, но я не хочу умирать!

– Удались в свои комнаты, я должен подумать, – сказал падишах.

Но он не стал думать один. Он тут же послал слугу за старой княгиней и рассказал ей всё.

– Правда за правду, – сказала княгиня, – я – бабушка Али-Бахыта, а мать его – княгиня собирает милостыню на базарах твоего великого города. Мы не погнушались ради нашего наследника пройти весь этот путь неизвестности и унижений. Тебе тоже нужен наследник, но зачем тебе чужой ребенок. Отдай нашего маленького князя.

– Удались в свою комнату, – сказал падишах, – я должен подумать.

Чего только он не передумал один. Сначала он решил убить княгиню, но оставалась еще мать Али-Бахыта, которая, конечно, тоже знает истину. А если найти и убить мать, то ведь и Бог может наказать за такие дела, тогда и Али-Бахыт в опасности. Шахиню тоже ему вдруг стало жалко. А если откупиться от матери и бабушки Али-Бахыта? Тут он сам горько рассмеялся. За какие деньги или подарки мог бы он сам отдать чужим людям своего единственного наследника?

Так ничего и не придумав, он позвал и шахиню, и старую княгиню.

– Давайте вместе думать, что нам делать. Пусть Али-Бахыт будет падишахом нашей земли и князем вашей. Шахиню сошлю все-таки в пустыню – не могу же я говорить и не делать.

Тут заговорила старая княгиня:

– У вас на Востоке старших уважают. Я тут старше вас всех, послушайте меня. Шахиня так молода и так полна жизни, что она еще может родить наследника. Это бы спасло всех нас. Я сварю ей снадобье из редких трав – все они растут в твоём саду, падишах. Ровно через девять месяцев шахиня родит настоящего наследника.

Шахиня бросилась на колени перед падишахом:

– О, Великий падишах! Сошли меня в пустыню. Я виновата. Я много зла сделала и тебе, и этой женщине, но я не хочу умирать. Я не стану пить ее зелье – она отравит меня. Пощади меня, Великий падишах!

Тогда падишах сам закрыл все окна и двери, чтобы ни одна птица не услышала его и сказал:

– Слушайте моё последнее слово. Я, Великий падишах, повелеваю. Ты выпьешь зелье, шахиня, я приказываю. А ты, чужестранка, вместе со своей невесткой девять месяцев будете жить гостями в моем дворце, будете общаться с Али-Бахытом, потихоньку привыкать друг к другу. Если всё будет так, как ты, чужестранка, сказала, я отпущу вас на родину с богатыми дарами, если нет, я прикажу отрубить головы и шахине, и тебе, и твоей невестке, а Али-Бахыт станет наследником престола и некому будет рассказать ему тайну его происхождения. Всё!

Обе женщины поклонились и вышли. Княгиня только усмехнулась – крепко верила она в свои силы.

Уже на следующий день молодая княгиня поселилась во дворце падишаха. Уж и нарядили их совсем несообразно с их обычаем, да делать нечего. Поднимались они затемно и, пока не высохла роса, собирали травы и корни, плоды и семена. Сварила княгиня снадобье, выпила его шахиня на глазах падишаха.

Девять месяцев для всех долго тянулись. Молодая и старая княгини томилась в своих комнатах под стражей, как райские птицы в золоченой клетке – одна была у них радость – каждый день они видели синеглазого наследника.

Изнывала от ожидания шахиня. Очень уж ей захотелось самой родить принца.

Падишах забыл про войны и охоту, почти перестал встречаться с советниками, всё думал, как он теперь объяснит народу дворцовые козни и появление нового наследника. И всё чаще он думал – надо говорить только правду – правда, она всегда спасет.

И вот настал день, и шахиня родила сына. Он был черноголовый и смуглый, как все в этом племени.

– Вот истинный наследник! Вот настоящий падишах! Божественный подарок Али-Бахыт! – сказал счастливый отец.

Ничего не ведавшие слуги подумали, что падишах сошел с ума – они же не знали, что это и есть настоящий Али-Бахыт, а первого, синеглазого, уже давно мать и бабушка Иванушкой звали.

Падишах призвал самых лучших сказителей со всего своего падишахства, устроили состязание поэтов в честь рождения сына, а победителей падишах призвал к себе и приказал им записать всю эту историю. Потом уже глашатаи оглашали ее на всех площадях города. Так она попала в персидские книги, по-

том ее перетолмачили на турецкий, потом – на армянский, потом – на курдский, потом – на грузинский, потом – на калмыцкий, потом – на болгарский, а потом уже и на русский язык.

Снарядил падишах Иванушку с матерью и бабушкой в дальнюю дорогу, наградил их невиданными подарками. Впереди шествия шел боевой слон, на хребте у него была корзина, как целый дом, там и разместились две княгини и княжич. Страшно было подойти к этому слону: хоботом всех разметет, ногами затопчет. Одну княгиню старую слушался – она с ним по-слоновьи говорила. За ними шли двадцать пар верблюдов, груженных золотом, а по бокам шли стражники с ятаганами и на цепях вели охранных леопардов в бронзовых ошейниках. За ними погонщики гнали коней, ослов, мулов, баранов и много-много еще разной живности.

А вот вам конец, чего и в той истории не прописано, чего и персы не слыхивали.

Прибыли обе княгини с княжичем домой, к тому времени как раз и князь очнулся. Первый раз вышел на дорогу, видит шествие. Князь диву дается... Тут слон передние ноги согнул в коленках, и вышли князю навстречу родная матушка и молодая жена, а с ними мальчик ослепительной красоты. Обнял князь молодую жену, расцеловал сыночка.

Старой матери некогда на счастье молодых поглядеть. Пошла она большим кругом мимо стражников и зевак, мимо мещан и лавочников, мимо дружины и прислужников, подошла к ворожее, упала ей в ноги и омыла многолетнюю пыль с ее стоп слезами.

Ворожея руками замахала:

– Что ты? Что ты? Где это видано, чтобы княгиня простой бабе ноги слезами мыла?

Отвечает ей княгиня:

– Ты не простая баба, ты – хитрющая ворожея. Ты возьми себе серебра бес-счетно, ты возьми себе золота неподъемно, а драгоценных камней неуносно, но сначала прими мое благодарение.

Ну и как, вы думаете, они зажили? Отлично они зажили. Такой верной дружины, как у князя, во всем свете невиданно, первый советник – родной дядюшка – родимой матушки брат.

Народ на князя не нарадуется, на княгиню не насмотрится, на княжича не налюбуется.

А тут, на тебе, старая княгиня – родная князя матушка в святорусский монастырь запросилась на покаяние.

– Матушка, – уговаривали князь с княгинею, – как же нам без тебя? Ты у нас самая мудрая, самая сильная, самая добрая, самая быстрая...

– Стара я стала, – говорит старая княгиня, – на боевых слонах по свету шастать. Хочется мне покоя. Хочу свои грехи замолить – по-хорошему отпустите меня в пустынь и живите своей мудростью.

Случилась тут ворожея. Увидела ее княгиня да и говорит:

– Не пойдёшь ли, мать моя, со мною, грехи замаливать?

– И-и, нет, – сказала ворожея, – я молиться не обучена. Я обучена по болотам рыскать, разные живые травки собирать, зелья варить, смерть отваживать, жизнь привораживать. Этим и послужу людям.

КОНЬ-ШАМАН

Это было в незапамятные времена, когда еще ни один человек на земле не родился, а существовало только Вечное Синее, полное живых богов, да Темное Бренное, где обитали мертвые боги. Когда же люди расплодились в таком количестве, что не только населили каждый клочок земли, но и стали воевать и убивать себе подобных за землю, за золото, за власть, боги, и живые, и отжившие, стали насылать на непослушное людское племя всевозможные напасти. То мор, то стихию, то жар, то холод.

Созданные жить вечно, бедные люди в страшных муках продлевали свою жизнь до той только поры, чтобы породить новое поколение себе подобных, чтобы жизнь на земле не прерывалась. Вот среди этих еще не старых, но надорванных людей жил-поживал один старик. Никто не сказал бы о нем «аксакал» – белобородый: борода его была черна, глаза – яркие, выбритый его череп отливал синевою. Был он непревзойденным целителем. В народе называли его колдуном, потому что никто не помнил, от кого он рожден, откуда пришел, где постиг свою науку, но все в трудную минуту шли к нему за советом, за лечебной травой, за целебным питьем.

Человек этот не был колдуном, он был очень образован, таких образованных и нынче нет, хотя библиотеки полны умными книгами и в них есть вся премудрость мира, а в его время книг вовсе не было, но зато была посреди степи шаманья гора, исписанная премудростью предков. Простой человек проскачет мимо на коне, поудивляется на наскальные картинки, да и толку, что сохранит образ небывалой диковины, неизвестно как оказавшейся в его стороне. А наш великий врач исползал эту гору вдоль и поперек, всё прочел, всё узнал, любую болезнь брался лечить, и вот уже люди, с которыми он жил свой век, увидели и внуков, и правнуков.

Однако у нашего шамана не было ни детей, ни внуков, ни правнуков. Давным-давно просветило его Вечное Синее, что служение, – а небу было угодно, чтобы люди жили долго и без болезней, – требует сосредоточенности и одиночества. Так и коротал он свой век в трудах на благо жизни людей и ни одной минуты не тратил на себя и на своих – никого своего у него не было.

Когда случилось горе – из берегов вышло солёное море – люди ушли с насыженных мест в голую пустыню. Стихия разбушевалась так скоро, что ничего из нажитого имущества не смогли они унести с собой и жались друг к другу, спасаясь от холода, и умирали от голода и жажды. Все потеряли веру в избавление, один шаман, твёрдый в вере, отправился на шаманью гору. Он знал, что некоторые предначертания им ещё не прочитаны, и надеялся найти выход для своего народа в писаной премудрости шаманьей горы. Он исползал ее вновь всю от подножья до вершины и вычитал секрет спасения.

Вышел шаман в широкое поле и произнес волшебные заклинания.

Ночью белый конь в золотой сбруе появился в глазах измученных людей. Многие подумали, что это последнее предсмертное видение, и сдвинулись рассудком, потому что их кони, обессиленные, лежали на песке рядом с людьми при последнем издыхании. Однако белый конь-шаман гарцевал на месте и никуда не уходил. При свете луны было ясно видно, что приплясывает конь на зеленой травяной полянке. «Мираж», – подумали измождённые путники, никто и не подумал, что это настоящая трава. Откуда взяться траве в этом гиблом

песчаном развале! И все-таки, опираясь на локоть, все-все поголовно не отводили глаз от необыкновенного видения. Кое-кто нашел в себе силы подняться. Поднялся почти павший скот и прежде людей двинулся к сочной траве. Однако расстояние между людьми и конем не сокращалось. Конь углублялся в пески, а за ним тянулась полоса густой травы, и траву эту уже щипали ослабленные кони и шатающиеся под ветром овцы. Конь стукнул копытом три раза, и из земли вырвалась струя родниковой воды. Еще никто не верил в спасение, но жажда заставила людей приложить последние силы, и вот они уже напились воды, одумались и поверили в чудо своего спасения. А конь всё шел, и за ним тянулись уставшие люди, домашние животные и дикие звери, оголодавшие от бескормицы в пустыне, вот другие племена стали вливаться в этот поток переселенцев, никто не ссорился, никто ничего не боялся – полоса травы становилась всё шире и шире, и наконец они пришли к горам, где было вдоволь воды и плодов, а земля гостеприимно ложилась под ноги, и было ее видимо-невидимо – всем хватало места.

Народ как-то и не заметил, куда делся чудный конь-шаман, а уже через день-другой люди потянулись к своему знаменитому целителю, поселившемуся в стороне от пастбищ и жилищ своих земляков. Всё пошло старым заведенным порядком. Старики рассказывали своим внукам про волшебного коня, потом внуки становились стариками, и молва не умолкала. Рождались дети, умирали старики, менялись поколения, а шаман жил себе да жил, лечил и утешал, никуда не отлучаясь от своего народа. Его шаманья гора осталась далеко-далеко в прошлой жизни – не мог он отлучаться от своих соотечественников, но крепка была его память, и знания его не иссякали.

Услышит шаман росказни о волшебном коне, со всеми прибавками молвы, только улыбнется в черные усы. Всё ещё он был черноусым. Однако внешность его была обманчива: к ста годам приустал он жить, к ста пятидесяти – душа его одряхла, он бы уже и помер без сожаления, но не на кого было оставить своё ремесло – крепко он помнил о завете Вечного Синего и жил один-одинешенек. Было ему уже под триста, когда захотел он послушаться Неба и умереть с миром.

Вот именно в эту трудную минуту пришел к нему богатый человек со своим горем. Его дочь уснула очарованным сном и не просыпается. Думали они сначала, что умерла она от неизвестной болезни, но прошло три дня, а она лежит неподвижно, но дышит, и румянец на щеках. «Сколько еще нам ждать?» – спрашивали несчастные родители. Шаман не велел будить девушку и обещал прийти в скором времени, но прошло еще несколько дней, пока он добрался к ним. Правду сказать, не знал он, что делать с этой напастью, а к шаманьей горе идти было долго и небезопасно, слышал он, что стала она островом того соленого моря, что разлилось две сотни лет назад и захватило оазисы, аулы и города по берегам.

Когда он добрался до дома богатого человека и увидел девушку на высоких подушках в розово-золотом сиянии, стрела любви пронзила его дряблое сердце, и вновь захотелось ему жить. Не зная, что делать с очарованной девушкой, низко наклонился над нею старик, и бессильная слеза упала на ее грудь в разрез белой, как снег, рубашки.

И вдруг красавица открыла глаза, и две карие звезды озарили его, и брови ее, как два пушистых соболя, поднялись высоко, и маленький рот ее открылся в улыбке, и она сказала, радостно смеясь:

– Странник, что за счастье принес ты мне? Откуда ты пришел и куда держишь путь? Я пойду за тобой на край света. В жизни я не видела такого светлого лица.

Однако отец девушки немедленно вмешался в разговор, он будто и забыл, что перед ним знаменитый целитель, он помнил только одно, что его дочь достойна хана или султана, а не бедного врача.

Он поторопился выпроводить шамана из своего жилища:

– Бери, что хочешь, и уходи. Она слишком молода и из-за болезни сама не знает, что говорит.

Шаман отказался от платы и пошел не домой, а на середину степи. Он упал на колени и взмолился Вечному Синему:

– Верни мне молодость моего сердца, дай мне в жёны эту девушку.

Вечное Синее впервые заговорило с ним человеческим голосом:

– Ты не понимаешь, кого и о чем ты молишь. Я могу дать тебе вечную жизнь, а ты просишь брентную женщину, безумец. Если ты будешь жить вечно, таких женщин у тебя будет много.

– Зачем мне много? – только и сказал шаман.

– Слушай моё последнее слово. В день твоего трехсотлетия родится младенец. Ты возьмешь его молодую душу себе, тебе ее хватит еще на триста лет. Твоя брентная подруга проживет только пятьдесят лет, но если ты свяжешь свою жизнь с ней, ты навеки забудешь все свои навыки и станешь обыкновенным человеком. Ты будешь добывать себе пропитание в поту и слезах, самой тяжелой работой. Двести пятьдесят лет из трехсот ты будешь пребывать в скорби. Однако выбор за тобой.

Шаман ничего не выбрал в эту минуту. Так прошло некоторое время, и он решился опять идти к дому красавицы и просить ее отца отдать ему ее в жёны. Выглядел он хоть куда, а усталость и старость не разглядел бы никто.

Когда он пришел к дому ее отца, отец, черный от злости, выскочил из дома:

– Зачем ты пробудил её?! Лучше бы она умерла. Я выгнал ее из дома за то, что она вздумала обмануть меня. Она ждет ребенка. Все мои надежды получить калым хана лопнули, как мыльный пузырь. Хан хочет иметь своих детей, а не прибрлудных. Иди, возьми ее себе, если найдешь – мне не нужна такая дочь.

Как отыскать пропавшего человека, шаман помнил отлично. Он нашел родничок, сказал одно заветное слово и увидел, как на краю леса его красавица в жутком рубище, едва прикрывающем ее живот, собирает хворост, как она доит дикую козу, как собирает съедобные корни растений.

Путь был неблизким, но шаман пошел к ней. Теперь он ей нужен был как врач. За те мгновения жажды жизни, которых он никогда прежде не знал, он готов был жертвовать собой.

В день его трехсотлетия он преодолел последний переход и успел явиться к своей любимой в самую минуту родин. Ребенок был прекрасен, но он не дышал, и всё искусство шамана не могло вернуть его к жизни. К ужасу своему шаман почувствовал, как ток молодой крови прошел через его сердце, и он понял, что сбылось пророчество, что он обречён прожить ещё триста лет.

Он рухнул на колени, упал лицом в пыль и возопил:

– Синее Вечное, я не хочу вечной жизни. Возьми мою жизнь, если тебе надо, верни жизнь этому младенцу.

– Глупец, – сказала Синее Вечное, – неужели триста лет жизни не стоят одной твоей мутной слезы, из которой зародился этот младенец? За веру в меня я дарю тебе другую душу – в одном переходе на запад в ту же минуту родился другой младенец, и он тоже сейчас бездыханный. Выбирай!

– Я не хочу быть губителем ни одной души. Дай им дышать и жить!

– Пусть дышат, мне не жалко.

Шаман увидел, как мальчик вдохнул воздух и закричал, и заплакал, а мать принялась хлопотать возле него. Но ток молодой крови не иссякал. Он чувствовал себя полным молодых сил, ему вновь хотелось жить, он был счастлив, что дожил до рождения своего сына. Но он, к сожалению, знал правила этой игры и опасался, что бурлящая в нем жизнь истекла из кого-то другого, и он – косвенный виновник, он, который все свои силы триста лет отдавал для сбережения чужой жизни.

Чтобы не пугать мать и дитя, шаман ушел в поле.

– Синее Вечное, последний раз взываю к тебе. Что это за небывалая сила бежит по моим жилам? Из кого изошли эти жизненные силы?

– За веру в меня я дарю тебе еще четырнадцать лет. Передай свой дар сыну, но жить эти четырнадцать лет ты будешь не человеком, а тем, кем ты был, когда совершал подвиг спасения жизни на земле во время потопа. Жить будешь конем. Проживешь век коня, полный буйной крови, преданности и жертвенности.

Шаман опустил голову: руки и ноги его превратились в ноги белого коня, гриву пошевеливал ветер, а раздувшиеся ноздри дышали свежестью степного воздуха, настоящего на травах. Он высоко прыгнул, взмахнув передними ногами, прощаясь с привычкой ходить как двуногое.

Если когда-нибудь жили более счастливые существа на свете, то моя сказка ничего не стоит.

